

Размышления над новой книгой

© 2024 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

В ПОИСКАХ НОВОГО СРЕДНЕГО КЛАССА: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОНЦЕПЦИЮ ОБЩЕСТВА СИНГУЛЯРНОСТЕЙ АНДРЕАСА РЕКВИЦА

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmityriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается концепция «общества сингулярностей» Андреаса Реквица. Согласно немецкому социологу, в постиндустриальном обществе позднего модерна «логика общего» уступает «логике индивидуального» – сингулярного: наибольшую ценность имеют не массовые товары и услуги, а те, что обладают неповторимой культурной и символической ценностью. По убеждению Реквица, триумф сингулярного спровоцировал кризис либеральной демократии и веры в прогресс. Преуспевшие в «сингулярную» эпоху представители высокообразованного «нового среднего класса» больше всего ценят творческий индивидуализм, стремятся к самореализации, открытости и культурному разнообразию, что хорошо сочеталось с неолиберализмом и глобализацией, которые, в свою очередь, способствовали росту социально-экономического неравенства и нарастанию культурных противоречий. Соответственно, Реквиц стремится указать на проблему чрезмерной «партикуляризации» общества и утраты «общего». Тем не менее есть основания считать, что сам Реквиц недооценивает проблемы, о которых пишет, и переоценивает положительные стороны «сингуляризации». В статье показано, что представления Реквица об «обществе индивидуальностей», «новом среднем классе» и меритократическом характере новых элит крайне спорны. В наиболее «сингулярных» (креативных, связанных с индивидуальным творчеством) областях деятельности средний класс крайне малочислен, а в современных западных странах доминирующую культурную и политическую позицию занимают не умнейшие меритократы, а те, кто способен привлекать внимание самых широких масс и соответствовать их чаяниям.

Ключевые слова: общество сингулярностей • индивидуализм • поздний модерн • средний класс • неолиберализм • меритократия • посткапитализм • социальное неравенство

DOI: 10.31857/S0132162524030163

Введение. Человечество относительно долгое время находится в состоянии затяжного «конца конца» истории. Великая рецессия 2008 г. стала в каком-то смысле переломным моментом. Ведущие исследователи и комментаторы после нее все чаще писали о «кризисе либерализма» и даже о кризисе капитализма как такового. Веру в либеральную демократию пошатнули события вроде победы на выборах президента США Д. Трампа в 2016 г. или Брекзита (т.н. «популистская волна»). Один из примечательных диагнозов нашему времени представил Андреас Реквиц – немецкий социолог, профессор общей и культурной социологии Берлинского университета имени Гумбольдта, ведущий

социальный и культурный теоретик современной Германии, широко известный своими исследованиями новых форм субъективности, креативности и сингулярности¹. Его концепция общества сингулярностей мало освещалась в российской и мировой социологии, хотя стала предметом активного обсуждения среди немецких коллег, а за свои заслуги в социологическом просвещении в 2019 г. Реквиц получил главную научную награду Германии – премию Немецкого исследовательского сообщества имени Лейбница.

Концепция Реквица примечательна не только как оригинальный «диагноз нашего времени». Реквиц говорит о многих социальных проблемах современности (точнее – «позднего модерна») как *реалист*. В его теоретических построениях постиндустриальное общество, в котором, казалось бы, базовые потребности почти каждого удовлетворены (где каждый сыт и обеспечен основными материальными благами), сталкивается с новыми фундаментальными противоречиями. Их сложно представить, апеллируя к такому общему понятию, как капитализм, или анализируя с привычных «левых» или «правых» политических позиций. Речь ведется об общественных проблемах, требующих принципиально новых решений, выходящих за рамки социал-демократической ностальгии по золотым временам индустриального эгалитаризма. Но несмотря на то что Реквиц пытается позиционировать себя в качестве социального критика, то есть стремится вскрыть основную болезнь современного общества и подобрать подходящую терапию, его концепции свойственна некоторая односторонность, недооценка негативных черт описываемых явлений и переоценка позитивных. Иными словами, критикуя чрезмерную «сингулярность» сего дня, он волею-неволею остается идеологом «общества сингулярностей».

Поздний модерн и общество сингулярностей. Основной вопрос, которым задается А. Реквиц, звучит следующим образом: почему западные демократические институты переживают кризис? Ответ немецкий социолог пытается найти в глубоких социальных изменениях, связанных с переходом от индустриального общества к т.н. «позднему» модерну.

Модерн как таковой, по Реквицу, характеризуется постоянным противоречием между «логикой общего» и «логикой единичного» или «сингулярного». Буржуазный модерн XVIII и XIX вв. был первой версией классического модерна, вытеснившей традиционное феодальное и аристократическое общество в Европе и Северной Америке. «Логика общего» в буржуазном модерне выражалась в рационализации, распространении знаний, возникновении межрегиональных рынков товаров и капиталистических производственных структур, в постепенном распространении права, демократизации, урбанизации и прочих подобных явлениях. Данной логике оппонировал романтизм, подчеркивавший радикальную сингулярность людей, вещей, мест, событий и сообществ. В то же время романтические практики и дискурсы сформировали эмоциональный центр раннего Нового времени [Reckwitz, Rosa, 2023: 60]. В XX в. вплоть до примерно 1970 г. имел место «организованный» или *индустриальный модерн*, в рамках которого «логика общего» была доминирующей: в экономике преобладало создание функциональных, стандартизированных вещей, в социальной структуре наблюдался относительный эгалитаризм, а люди стремились быть гармоничной частью тех или иных коллективов (рабочих, партийных и т.д.). «Сингулярное» обитало преимущественно в сферах искусства, моды, в аудиовизуальных СМИ, однако культурализация мира товаров ограничивалась.

Сегодня же мы живем в постиндустриальную, постфордистскую, *сингулярную* эпоху позднего модерна. Индустриальное производство выполнило свою основную роль, базовые потребности людей были удовлетворены, а сами они стали больше задумываться о своей индивидуальности и неповторимости. Соответственно, в экономике начинает преобладать нематериальное производство знаний и культурных образов, которое также зависит от индивидуальных особенностей и творческого потенциала *отдельных личностей*. «Происходит, – пишет Реквиц, – преобразование структуры капиталистической экономики. По сути,

¹ Отметим одну из рецензий на книгу Реквица «Конец иллюзий», опубликованную в журнале «Социологическое обозрение» [Сувалко, 2021].

она превратилась из индустриальной экономики в экономику знаний и культуры – экономику сингулярностей, ядро которой образует креативная экономика. Одновременно с этим происходит техническая революция, обусловленная цифровизацией, которая впервые в истории позволила создать инфраструктуру, дающую возможность производить сингулярности и культурные продукты систематически и в беспрецедентных масштабах» [Реквиц, 2022: 84²]. В итоге социальная реальность *сингуляризируется* – «логика особенного» начинает преобладать повсеместно: от производства «уникальных» товаров до «уникальных городов» или «уникальных мест», обеспечивающих «уникальный» опыт для туристов.

Что может быть не так с «обществом сингулярностей»? А. Реквиц обращает внимание сразу на несколько «болевых точек». Во-первых, в постиндустриальной экономике формируется *новый средний класс*, становящийся «культурно доминирующим». Его представители имеют высокий культурный капитал – работают в сфере экономики знаний и культуры: «новый средний класс является <...> слоем людей с высшим образованием, то есть представляет собой высокообразованный средний класс» (с. 218). Это не такая большая прослойка, как стремительно сокращающийся *старый средний класс*, представители которого не располагают соответствующими навыками, недостаточно мобильны или креативны, то есть держатся за устаревшие институты индустриальной эпохи. Более того, расширяется прослойка *нового низшего класса*, состоящая из преимущественно прекарных работников, тех, кто выполняет рутинную, низкоквалифицированную работу: простых работников сферы услуг, представителей полуквалифицированных рабочих профессий, работников с нестабильной занятостью, безработных и получателей социальной помощи (то есть в строгом смысле социально исключенных), которые в настоящее время составляют также около одной трети населения западной части мира» (с. 222). Есть еще «новый высший класс» – «1%», состоящий из наиболее преуспевших в своих областях деятельности сверхбогатых и сверхвлиятельных людей. Иными словами, исчезает «общество равных», а на смену ему вновь приходит «общество неравных».

Во-вторых, представители нового «среднего класса» обычно исповедуют леволиберальные ценности открытости, терпимости, принятия культурного, сексуального, расового и пр. разнообразия, они космополитичны (здесь Реквиц ссылается на идею о социальных прослойках «живущих где-то» (somewheres) и «живущих везде» (anywheres) Д. Гудхарта [Goodhart, 2017]). На их фоне представители старого среднего класса выглядят архаичными и патриархальными, «отсталыми», а также забытыми. Забываются и их экономические проблемы, т.к. политику все больше определяют представители *образованного городского класса*. Для этого нового среднего класса глобализированная креативная «сингулярная» экономика является комфортной средой для воплощения главной мечты эпохи позднего модерна – *саморазвития и самореализации*. Поэтому трендовой становится политика, объединяющая леволиберальные ценности с неолиберальной экономикой («дифференциальный либерализм»). Рост нового среднего класса во многих местах привел к созданию новых партий, представляющих его ценности: «В Германии такие ценности наиболее ярко выражены Партией зеленых. Во Франции партия Эммануэля Макрона стала новой партией городского образованного класса; почти как учебник, он воплощает двойной набор ценностей прогрессивного либерализма и неолиберализма» [Reckwitz, 2021: 69]. Неолиберальная дерегуляция экономики и «гиперкультура» неизбежно вызывают *негативную* «ответную реакцию» как со стороны «забытых» или «культурно бесценных» социальных прослоек, так и со стороны своеобразных необщностей (здесь отсылка к концепту *Gemeinschaft*'а [Тённис, 2002]). Подобного рода «необщности» тоже, по мнению Реквица, отражают тенденцию к сингуляризации, но только это уже «культурно эссенциалистская» сингулярность различных сообществ (например, этнических или религиозных) (с. 334–338).

² Далее цитирования этой книги будут с указанием страниц в круглых скобках.

В-третьих, даже относительно преуспевшие в новых реалиях представители «нового среднего класса» попадают в своеобразные «поля напряжения в образе жизни». Креативный труд является конкурентным. В нем тоже есть победители и проигравшие. Реквиц подчеркивает важную вещь: если в современных экономических благах наиболее важна культурная составляющая, то и культура становится экономизированной (или маркетизированной). Более того, экономика переживает «культурализацию» (здесь Реквиц следует за мыслью Ф. Джеймсона [Jameson, 1991]). Растут т.н. рынки сингулярностей, «где объекты, субъекты, места и события, а в некоторых случаях даже коллективы конкурируют за то, чтобы быть признанными и оцененными как товары с уникальной культурной ценностью» (с. 85).

При этом на рынках сингулярностей наблюдается «поляризация товаров»: небольшое количество товаров привлекает максимальное внимание, остальные – нет. Для Реквица сферы искусства и популярной культуры являются своеобразными «образцами» или ориентирами при описании экономики сингулярностей. Как в искусстве и популярной культуре есть «суперзвезды», так и товары (фирмы, города, события и т.д.) с большой культурной составляющей поляризуются по своей способности быть привлекательными и притягивать внимание. Тем более в культурных индустриях никогда не бывает дефицита – культурные блага всегда «перепроизводятся». Поэтому внимание является новым дефицитным ресурсом: «эффект шумихи позволяет объяснить асимметричное распределение внимания. Те немногие культурные продукты, которые вообще становятся заметными в море перепроизводства и действуют аффектирующе, могут стремительно перетянуть внимание на себя. В некотором смысле происходит потенцирование позитивного аффекта, своего рода массовое притяжение, эффект Матфея, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Единороды обратив на себя внимание, продукт будет притягивать его и далее; если какой-то клип на YouTube собрал 500 000 просмотров, то получить следующие 500 000 для него не проблема» (с. 130). Стало быть, в такой конкурентной среде даже те, кто не относится к «проигравшим» – старому среднему классу и к новому низшему классу – подвержены многим стрессовым факторам, среди которых выгорание на работе или те или иные неудачи. Более того, всеобщая погоня за успехом может обернуться «неудовлетворенностью от самореализации»: реальная деятельность, ориентированная на рынок, может противоречить внутренней мотивации творческих деятелей, субъективные ожидания не всегда оправдывают себя. Как отмечает Реквиц, опыт разочарования усугубляется осязаемостью чужого успеха, о котором мы узнаем из освещения жизни знаменитостей в СМИ, через посты о частных поездках и событиях в социальных сетях, через демонстративное потребление в метрополисах и на курортах, через поляризацию на городском рынке недвижимости и т.п., поскольку человек чувствует, что он не в состоянии конкурировать с более успешными людьми или что безвозвратно упустил какие-то возможности» (с. 275).

Такова вкратце основная суть концепта «общества сингулярностей». Противоречия этого общества, на которые указывает Реквиц, должны объяснять кризис либеральной демократии и веры в прогресс (даже относительно немногочисленные «победившие» подвержены стрессу и выгоранию). Однако вполне ли верен диагноз Реквица и подбирает ли он подходящие и бесспорные лекарства для лечения соответствующих общественных недугов? Для того чтобы ответить на данный вопрос, мы займем по отношению к концепции немецкого социолога критическую позицию.

Сингулярности, новый средний класс, меритократия? Прежде всего можно отметить, что многое, о чем пишет Реквиц, не является его собственными идеями. О постиндустриальном обществе и постфордизме пишут очень давно. К примеру, «индустриальный модерн» Реквица идейно повторяет концепт «Второй волны» (развития человечества) Э. Тоффлера. Много совпадений и между «поздним модерном» Реквица и «Третьей волной» американского футуролога. Последний еще в 1980 г. отмечал, что «Третья волна» будет характеризоваться демассификацией производства и общества как такового. «Мы требуем, – пишет Э. Тоффлер, – чтобы нас считали личностями и относились к нам как к личностям, и это происходит именно в то время, когда новая производственная система

больше всего нуждается в индивидуальностях. Помимо оказания нам помощи в кристаллизации чисто личностных качеств, новые средства коммуникации Третьей волны превращают нас в производителей – или, скорее, в производителей-потребителей – наших собственных образов себя» [Тоффлер, 2004: 615] (к слову, из трех своих последних книг Реквиц упоминает Тоффлера лишь в «Обществе сингулярностей» – только в сноске, ссылаясь на концепт просьюмера, и без ссылки на первоисточник).

Сингулярности? Принципиально нов в теоретических построениях Реквица именно концепт сингулярности, означающий «особенное» – «социокультурно сформированную уникальность» (с. 43). По мнению немецкого социолога, данный концепт более универсален, чем «индивид», т.к. сингулярными могут быть не только люди, но и товары, места, события и т.д. Разумеется, Реквиц, не идеализирует тенденцию к сингуляризации. Напротив, он отмечает, что одна из причин современного кризиса либеральной демократии и веры в прогресс – это нарастающая атомизированность общества – «кризис общего», о чем он и говорит в заключении «Общества сингулярностей» (с. 345–356). Однако все же есть основания считать, что «сингулярности» – не лучшая центральная метафора для описания «логики» современного общества. Данное слово буквально отсылает к индивидуальности как настоящей *неповторимости*. Идеологически оно как бы «обеляет» современность: да, «общее» распадается, но зато люди стремятся найти себя, стать *неповторимыми личностями*. То есть, несмотря на изъяны, сингуляризация имеет положительные стороны. Вопрос только в том, насколько наблюдаемые «сингулярности» реально сингулярны. Более того, можно задуматься и над тем, способствует ли современная цифровая эпоха тому, чтобы доля «общего» снижалась в угоду «единичному».

На наш взгляд, Реквиц недооценивает культурную значимость товаров индустриальной эпохи, сводя их к *функциональным* массовым продуктам. Однако было бы странно считать их исключительно культурно «безликими». Многие блага индустриальной эпохи были в каком-то смысле «сингулярными», так как отражали специфические образы жизни, своеобразные культурные смыслы, были символами эпохи, причем зачастую отдельных сообществ или наций – от квартир-хрущевок до супов Campbell или пригородных домов с ровно подстриженным газоном. Изменилось ли сегодня что-то принципиально? Да, можно сказать, что товары вроде красивого iPhone яркого цвета под тон хорошо подобранной модной одежды «подчеркивают уникальность личности», но никогда прежде не было настолько массовых товаров, как тот же iPhone, которым пользуются во всем мире сотни миллионов людей. Никогда прежде не было поп-звезд уровня Тейлор Свифт, на которую только в одной из соцсетей подписано 300 млн человек. В итоге в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с *иллюзорными (имитационными) индивидуальностями*, фактически являющимися частью масс, причем более масштабных, чем в индустриальную эпоху. Технологии позволили «кастомизировать» производство, но они также позволили его расширить в глобальных масштабах. Цифровые технологии к тому же позволяют стирать культурные различия, разрушая всякие границы и создавая одну «макдональдизированную» [Ритцер, 2011] или даже «киберпанковую» реальность, где истинная сингулярность практически неотличима от беспрепятственно и беспредельно тиражируемых «сверхмассовых» культурных кодов и образов. Поэтому, на наш взгляд, не стоит говорить о современном обществе как «обществе сингулярностей». Скорее, это «персоналистическое» общество, в котором личности «производятся» не менее массово, чем товары в индустриальную эпоху. Может быть так, что на единицы по-настоящему неповторимых людей будут приходиться многие миллионы тех, кто ничем по факту кроме своего громко произнесенного «Я!» не выделяется на фоне всех остальных.

Средний класс? А. Реквиц, как мы отметили, пишет о новом среднем классе. Да, он делает ряд оговорок о том, что вероятно дальнейшее возрастание дистанции между новым средним классом и новым низшим классом из-за цифровизации. Однако он все же возлагает надежду на то, что рано или поздно «новый средний класс» пополнится представителями низших страт: «прогнозируемая нехватка рабочей силы (из-за снижения

рождаемости) может сделать многие рабочие места, выполняемые классом обслуживания и традиционным средним классом, более ценными, чем это было раньше. Это приведет не только к материальной выгоде, но и к повышению престижа. Подобному развитию может также способствовать соответствующий сдвиг парадигмы в национальной политике с целью “депрекаризации” низшего класса и – в качестве ответа на правый популизм – создания баланса между космополитами нового среднего класса и коммунитаризмом старого среднего класса» [Reckwitz, 2021: 71]. Короче говоря, средний класс вновь станет тем самым *средним классом*, выполняющим свою идеологическую функцию затушевывания классового антагонизма.

Для марксистских теоретиков такая логика выглядит сомнительной. Для марксизма класс – это не просто отнесенность к группе с определенным уровнем доходов. Это всегда вопрос доступа к соответствующим возможностям, к тому, что дает те или иные преимущества. Как отмечает Х. Вайс, мы никогда не были средним классом, а «утверждение о принадлежности к среднему классу означает отказ от представления, что наши шансы на жизненный успех могут быть сформированы чем-либо иным, помимо наших собственных желаний, способностей, а главное, усилий» [Вайс, 2021: 36]. В этом смысле примечательно, что Реквиц очень мало говорит о структурных причинах неравенства. Зато он много пишет о том, почему представители нового низшего класса проиграли, причем так, будто бы изначально шансы на верный выбор стратегии был примерно одинаков у всех: «В образе жизни низшего класса, кажется, совершенно отсутствуют признаки достойной жизни, он олицетворяет собой полный набор качеств недостойного – от питания до воспитания и политики» (с. 286).

Есть и более важная причина считать концепт нового среднего класса не вполне удачным. Реквиц попросту непоследователен. Если сущностная основа нового общества – это процессы сингуляризации, то и классовая структура должна детерминироваться этими процессами. Но вместо этого Реквиц, на наш взгляд, идет по простому пути, беря за основу уже давно известную детерминанту роста социально-экономического неравенства – *уровень образования*. Это вызывает концептуальный диссонанс. Дело в том, что успешное освоение академических образовательных программ не равносильно спонтанному креативному успеху или способности привлекать внимание в силу своей индивидуальности. Появление образованного класса было обусловлено вовсе не «сингулярностями», а целенаправленной политикой государств, активно вкладывавшихся в среднее и высшее образование. В любом случае получить хорошее образование вполне можно путем исключительно усердия и трудолюбия. Если эти усердие и трудолюбие объединить с хорошими финансовыми возможностями или социальными связями (например, богатых родителей), то успех практически гарантирован. Само по себе высшее образование еще несет на себе печать «индустриальной эпохи», так как диплом как-никак – это стандартный «товар», имеющий конкретную, «типичную» ценность. К тому же труд представителей «образованного класса» очень разнится в зависимости от того, насколько он креативен и подразумевает наличие или отсутствие сугубо индивидуальных («сингулярных») качеств. К примеру, высококвалифицированные инженеры могут изобретать что-то принципиально новое сугубо индивидуально, а могут быть исполнителями, решающими в рамках больших коллективов вполне конкретные задачи под уже заданные требования.

Далее, мы находим многочисленные «аномалии» и нестыковки. Так, Реквиц, как мы отметили, относит к «новому низшему классу» прекариев и людей, занятых рутинным, низкоквалифицированным трудом. Однако сегодня огромная доля прекариев – это именно высокообразованные люди. Так, в корпорации Google работает больше фрилансеров, чем постоянно занятых (54 против 46%)³. В целом IT-сектор сегодня все чаще привлекает

³Elad B. Freelancing Statistics – By Wages, Demographic, Market Share, Earning, Trends // EnterpriseAppsToday. 2023. September 12. URL: <https://www.enterpriseappstoday.com/stats/freelancing-statistics.html> (дата обращения: 04.02.2024).

временных «сотрудников по требованию»⁴. Для корпоративных менеджеров это хороший способ сэкономить на страховых взносах и прочих выплатах, которые обычно имеют место в случае с «постоянным» наймом. Нельзя сказать, что все высококвалифицированные прекарно занятые зарабатывают мало или недовольны своим статусом. В большом количестве случаев их умонастроение соответствует «новому духу капитализма» [Болтански, Кьяпелло, 2011], отдающему приоритет «автономии», возможности самостоятельно выбирать рабочее время и т.д. Однако такая «иллюзия свободы» обычно оборачивается отсутствием каких-либо гарантий, неуверенностью в завтрашнем дне, выгоранием, а также растущей конкуренцией на рынке прекарного труда с не менее высококвалифицированными работниками за рубежом (скажем, в Индии). И такая не совсем идеальная ситуация складывается именно в IT, где имеется большой спрос на кадры. В других областях высшее образование уже давно не является билетом, гарантирующим стабильное место в «среднем классе». Американская журналистка С. Джаффе в книге «Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь» отмечает, что в США растет доля «внештатных» университетских преподавателей: «на вершине оказалась небольшая группа звездных ученых, а внизу – многочисленный академический пролетариат, состоящий из преподавателей <...>, которые хватаются за любую работу, чтобы свести концы с концами» [Джаффе, 2023: 323]. Сотрудники некоммерческих организаций или стажеры (также интерны) тоже все чаще эксплуатируются как люди, работающие за идею, ради навыка («труд надежды») и т.д. О подобных примерах и тенденциях можно говорить очень долго. Разговоры о невостребованных на российском рынке труда «юристах» и «экономистах» уже давно стали притчей во языцех. В России сегодня обычным делом являются случаи, когда работники с несколькими высшими образованиями зарабатывают в разы меньше, чем слесари-монтажники.

Собственно говоря, чем больше та или иная работа связана с «сингулярностями», то есть с творческими способностями отдельных индивидов, борющихся за привлечение внимания, тем меньше оснований говорить о наличии «среднего класса» внутри отдельной профессиональной категории. Как мы уже отметили, Реквиц берет за ориентир сферы искусства и популярной культуры. Он признает, что данные сферы характеризуются сильным неравенством: «количественные эмпирические исследования многократно демонстрировали, что совершенно независимо от того, о каком культурном продукте идет речь, результатом будет так называемое вероятностное распределение Парето: 20% предложений оттягивают на себя 80% спроса публики, а на остальные 80% предложений приходится 20% спроса, многие и вовсе не получают почти ничего» (с. 128).

Затем, правда, Реквиц боится, ссылаясь на гипотезу о «длинном хвосте» К. Андерсена, согласно которой в цифровых пространствах будет появляться множество «нишевых» продуктов, имеющих скромный, но относительно стабильный спрос [Anderson, 2006]. Соответственно, логика такова: креативные сферы характеризуются «рынками, в которых победитель получает больше всех», но и здесь возможен «средний класс», располагающийся почти по всему «длинному хвосту» (с. 128). Но эмпирические данные говорят строго об обратном: если творческий продукт «сингулярен», то есть единичен, незаменим, исключителен, то он в случае успеха (везения, «попадания в волну» и т.д.) привлекает столь же *исключительное* внимание. В креативных сферах, победитель не просто «получает больше всех», он получает «почти все и даже больше», так как попутно перетягивает на себя внимание, не позволяя «пробиться» остальным (подобно капиталисту он располагает вниманием других как «средством производства» своей личности) [Давыдов, 2021]. Новые данные постоянно появляются и подтверждают данный тезис. К примеру, в марте 2023 г. был опубликован отчет об исследовании финансового конгломерата City

⁴ Molla R. Bosses want to pay you more but give you less // VOX. 2023. February 9. URL: <https://www.vox.com/recode/2023/2/9/23591549/tech-freelance-contract-independent-work-layoffs> (дата обращения: 04.02.2024).

об экономике креаторов на четырех платформах: YouTube, Twitch⁵, Patreon⁶ и Substack⁷. Согласно выводам данного исследования, экономика «творцов» отличается крайне высокой концентрацией богатства, а потому, если «средний класс» в ней и есть, то совсем небольшой⁸. На YouTube более 90% подписок приходится на менее чем 5% каналов. Примерно то же самое наблюдается на других платформах. Например, на платформе Twitch 90% вознаграждений получает 10% аккаунтов⁹. Причина такого расклада, на наш взгляд, относительно проста: чем больше производство отрывается от «материального», тем большее значение имеет «нематериальное», способное на молниеносное распространение и тиражирование. В итоге «потребители» выбирают только самые «лучшие», эксклюзивно-единичные блага, либо не обращая внимания на все остальные, либо рассматривая «неоригинальные» как не имеющие никакой ценности.

Таким образом, если последовательно придерживаться хода мысли А. Реквица, то можно обнаружить ее глубокую противоречивость. В чистом виде «сингулярная» экономика как экономика творческих индивидуальностей, созидающих эксклюзивные по своей новизне и востребованности блага, была бы, по сути, экономикой без среднего класса. И мы видим, что тенденция к «сингуляризации» означает больше проблем в том числе и для наиболее квалифицированных работников. Та социальная прослойка, которую Реквиц обозначает термином «новый средний класс», чувствует себя относительно комфортно скорее вопреки сингуляризации, нежели благодаря ей: там, где высокая квалификация сочетается со стабильным спросом на те или иные вполне типичные виды работ (лишь с небольшой долей «личных» особенностей), то есть где успех обуславливается больше усердием или высоким интеллектом (инженеры, менеджеры, врачи и т.д.).

Меритократия? Есть еще одна уязвимость концепции Реквица. Как мы уже увидели, он считает, что «новый средний класс» представляет собой именно образованный класс. То есть для него новые элиты, определяющие культурный и цивилизационный облик настоящего и будущего – меритократические: «ярко выраженный образовательный и культурный капитал, а также меритократическое сознание высокообразованного класса подчеркивают неполноценность низшего класса, а этически негативная культурализация “сверху” воспринимается социальным “низом” как самонадеянность» (с. 294). Здесь нужно иметь в виду следующее. Если новый дефицитный и ключевой ресурс сегодня – это внимание (Реквиц пишет об этом, но не развивает мысль дальше), то совсем не факт, что «культурно доминирующими» будут именно высокообразованные, «высококультурные» люди. И здесь есть смысл вернуться к пункту о сомнительности «сингуляризации»: сегодня все чаще наиболее влиятельными становятся именно те, кто «завладевает» вниманием

⁵ Видеостриминговый сервис, специализирующийся на тематике компьютерных игр, в том числе трансляциях геймплея и киберспортивных турниров.

⁶ Веб-сайт, на котором авторы творческих произведений (видео, фото, изображений, музыки) могут распространять свои работы по платной подписке или предоставлять дополнительный контент для своих подписчиков.

⁷ Substack предоставляет площадку для писателей, которые могут формировать и запускать собственные платные новостные рассылки.

⁸ В 2022 г. компания Linktree, которая занимается монетизацией онлайн-контента, обнаружила, что только 12% создателей на онлайн-платформах, работающих полный рабочий день, зарабатывают более \$50 000 в год (Linktree Creator Report Reveals Key Insights on Global Creator Economy // PR Newswire. 2022. 20 April. URL: <https://www.prnewswire.com/news-releases/linktree-creator-report-reveals-key-insights-on-global-creator-economy-301529193.html> (дата обращения: 04.02.2024)). А отчет 2023 г. той же компании показал, что всего 2% авторов заработали более \$77 000 – «приемлемую заработную плату» (Whelan C. Linktree Creator Report 2023: Surprising real-life salary of influencers // News.com.au. 2023. September 30. URL: <https://www.news.com.au/technology/online/social/linktree-creator-report-2023-surprising-reallife-salary-of-influencers/news-story/4f82af129db6d8fdb714733bd22b18e9> (дата обращения: 04.02.2024)).

⁹ The Creator Economy. Getting Creative and Growing // City Group. 2023. March. URL: <https://ir.citi.com/gps/7PUfiT7fJPbIL%2FqPQla8YnPTu1opFVVW5Qb5fu0LPwJGLKt4p0HcsDxN87TOJ%2F6kA%2FbMcmTJTn8SF0dAlpoihg%3D%3D> (дата обращения: 04.02.2024).

огромных масс людей. И в подавляющем большинстве случаев – это не самые умные и не высокообразованные (большая доля среди них вообще детей или людей без высшего или даже среднего специального образования). Различные звезды шоу-бизнеса, спортсмены, рэперы, тиктокеры, псевдопсихологи, псевдоврачи и прочие «яркие личности» заполучают аудитории в миллионы человек, являются авторитетными «лидерами мнений» и оказывают сильное влияние на формирование ценностей и убеждений. В некоторых случаях эти «медийные популисты» становятся политиками или влиятельными политическими фигурами – от Р. Рейгана и А. Шварценеггера до тикток-блогерки Ч. Д’Амелио, активно поддерживавшей движение Black Lives Matter¹⁰. Особенности западной политики идентичности и все ее противоречия – от «культурных войн» и цензуры до абсурдных с точки зрения естественных наук представлений о том, что биологический пол не имеет особого значения по сравнению с «гендером» – тоже можно объяснить наибольшей влиятельностью вовсе не самых умных и квалифицированных (например, представителей естественных наук), а либо тех, кто напрямую «владеет вниманием» широких масс, либо тех, кто «влияет на влиятельных». В этом смысле все начинается с университетских городков, где на гуманитарных кафедрах преобладают сторонники отсылающих к постмодернизму «критических теорий», которые передают свою «картину мира» тем, кто формирует медийные повестки – журналистам, деятелям искусства, блогерам и т.д. [Давыдов, 2023]. Абсурдная ситуация, когда биологические женщины вынуждены соревноваться в спорте с биологическими мужчинами (трансгендерными женщинами), есть свидетельство торжества не наиболее умных и «сингулярных», а определенной влиятельной страты «популистских персон», диктующих всему миру свою «прогрессистскую» повестку.

Заключение. Концепция Андреаса Реквица примечательна тем, что он не ищет простых ответов на сложные вопросы. Причину кризиса современной либеральной демократии и утраты веры в прогресс стоит искать не путем обращения к таким общим категориям, как капитализм или неолиберализм. Неравенство и «культурные войны» современности порождаются не заговорами экономических или политических элит. Речь должна идти об очень глубоких, всеобъемлющих, затрагивающих все сферы жизни процессах. Концепцию Реквица можно рассматривать и как своего рода снятие идеалистических иллюзий с утопий постиндустриализма. Он также замечает ряд фундаментальных проблем, которые невозможно решать методами старой социал-демократии: «общество равных» эпохи индустриального модерна уже не вернуть, так как «сингулярная» экономика способствует появлению новых форм неравенства и дефицитных (ограниченных) ресурсов, обусловленных неравенством творческих способностей и распределением внимания.

Однако, на наш взгляд, Реквиц недооценил степень фундаментальности и драматичности происходящих изменений (он говорит лишь о некоем «позднем модерне», а не о совсем новом обществе). Поэтому его критическая рефлексия над происходящими событиями все еще проникнута надеждой, что все равно или поздно вернется «на круги своя» – к относительному балансу «сингулярного» и «общего». Не будучи марксистом, Реквиц не желает говорить о классовой борьбе, о радикальных противоречиях интересов представителей разных социальных страт. Судя по его логике, «новый средний класс» и «новый высший класс» восторжествовали в силу подходящего случая, а «проигрыш» всех остальных является «непреднамеренным» результатом технологических трансформаций. Представители «старого среднего класса» и «нового низшего класса», по его теории, возможно, сами виноваты в своем положении, так как выбрали неправильные жизненные стратегии, не оказались достаточно мобильными, образованными или «креативными».

Будущее, по мнению Реквица, все равно за сингуляризацией. Нужно лишь немного контролировать данный процесс, не забывать об «общем» (поддерживать общее

¹⁰ Cranley E. TikTok star Charli D’Amelio spoke out in support of George Floyd protests and the Black Lives Matter movement // Business Insider. 2020. May 31. URL: <https://www.businessinsider.com/charli-damelio-spoke-out-on-george-floyd-protests-blm-2020-5> (дата обращения: 04.02.2024).

«либеральное» символическое пространство), то есть перейти к т.н. «регуляторному либерализму». Но этот «регуляторный либерализм» в силу того, что сам Реквиц переоценивает преимущества «сингуляризации» и недооценивает связанные с ней проблемы, оказывается, по сути, лишь набором благих пожеланий с целью слегка сгладить новые противоречия. К примеру, он говорит следующее о том, как нужно относиться к представителям «нового низшего класса»: «Меритократическое понятие образования упускает из виду центральный факт: способность общества функционировать так же зависит от труда так называемых низкоквалифицированных работников, как и от труда высококвалифицированных работников, и общество в целом, вероятно, сломается, если “необразованным” работникам, выполняющим рутинную и тяжелую физическую работу, по-прежнему будет отказано в социальном признании, которого они заслуживают (не говоря уже о базовых гарантиях занятости и медицинском страховании) [Reckwitz, 2021: 164]. Заметим, что Реквиц пишет преимущественно о *символическом признании*, а не о реальном стремлении к равенству. Говоря о необходимости не допускать чрезмерной финансиализации социальной сферы, Реквиц выдвигает весьма спорный тезис: «решение проблемы не может заключаться в простом призыве к повышению уровня образования, поскольку это лишь воспроизведет нынешнее положение победителей и проигравших, особенно если все резервы талантов будут исчерпаны» [Ibid]. То есть, согласно Реквицу, существует только возможность некоего общего повышения уровня образования для всех с соблюдением имеющихся пропорций. Но почему бы не прикладывать радикально *больше* усилий именно для того, чтобы проигравших было минимальное количество, чтобы именно наиболее бедные имели равные реальные возможности для учебы и личностного развития, равные социальные гарантии? Возможно, для этого потребовались бы колоссальные трудовые усилия огромного числа учителей, преподавателей и всех тех, кто трудится в социально значимых сферах: врачи, социальные работники, психологи т.д. Примечательно, как труд представителей этих сфер нередко диссонирует с образом типичных «сингуляриев» Реквица, занятых исключительно «погоней за своей мечтой» и «самореализацией». Возможно, лучшее будущее отнюдь не только за «сингулярностями» (или вообще не за ними), а в большей степени за *общественно необходимым трудом*, который вполне может быть творческим, но при этом самоотверженным, коллективными, нацеленным на общее благо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011.
- Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: ВШЭ, 2021.
- Давыдов Д.А. Посткапитализм и классовая трансформация в современном обществе: от класса-освободителя к новому антагонизму? // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 3–13.
- Давыдов Д.А. Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // Антиномии. 2023. Т. 23. № 1. С. 51–89.
- Джаффе С. Дорогие коллеги. Как любимая работа портит нам жизнь. М.: Individuum, 2023.
- Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна. М., Берлин: DirectMEDIA, 2022.
- Ритцер Д. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.
- Сувалко А. Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквица // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 305–322.
- Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. М.: Фонд Университет, СПб.: Владимир Даль, 2002.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.
- Anderson C. The Long Tail: Why the Future of Business is Selling Less of More. New York, N.Y.: Hyperion, 2006.
- Goodhart D. (2017) The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. London: Hurst.
- Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham: Duke University Press, 1991.
- Reckwitz A. The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity. Cambridge: Polity, 2021.
- Reckwitz A., Rosa H. Late Modernity in Crisis: Why We Need a Theory of Society. Cambridge: Polity, 2023.

IN SEARCH OF A NEW MIDDLE CLASS: A CRITICAL LOOK AT THE CONCEPT OF THE SOCIETY OF SINGULARITIES BY ANDREAS RECKWITZ

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia (davydovdmitriy90@gmail.com).

Abstract. The article examines the concept of the “society of singularities” by Andreas Reckwitz. According to the German sociologist, in the post-industrial society of late modernity, the “logic of the general” is inferior to the “logic of the individual” – the singular: the greatest value is not mass goods and services, but those that have unique cultural and symbolic value. Representatives of the highly educated “new middle class” who have succeeded in the “singularity” era value creative individualism most of all and strive for self-realization, openness and cultural diversity. This combines well with neoliberalism and globalization, which, in turn, contributed to growing socio-economic inequality and growing cultural contradictions. Accordingly, Reckwitz seeks to point out the problem of excessive “particularization” of society and the loss of the “generality”. Nevertheless, there is reason to believe that Reckwitz himself underestimates the problems he writes about and overestimates the positive aspects of “singularization”. The article shows that Reckwitz’s ideas about the “society of individuals”, the “new middle class” and the meritocratic nature of the new elites are extremely controversial. In the most “singular” (creative, associated with individual creativity) areas of activity, the middle class is extremely small, and in modern Western countries the dominant cultural and political position is occupied not by the smartest meritocrats, but by those who are able to attract the attention of the broadest masses and meet their aspirations.

Keywords: the society of singularities, individualism, late modernity, middle class, neoliberalism, meritocracy, post-capitalism, social inequality.

REFERENCES

- Anderson S. (2006) *The Long Tail: Why the Future of Business is Selling Less of More*. New York, N.Y.: Hyperion.
- Boltanski L., Chiapello E. (2011) *The New Spirit of Capitalism*. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2021) Post-capitalism and class transformation in modern society: from a liberating class to a new antagonism? *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–13. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023) When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism. *Antinomies*. No. 1: 51–89. (In Russ.)
- Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London: Hurst.
- Jaffe S. (2023) *Work Won't Love You Back: How Devotion to Our Jobs Keeps Us Exploited, Exhausted, and Alone*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Jameson F. (1991) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press.
- Reckwitz A. (2021) *The End of Illusions: Politics, Economy, and Culture in Late Modernity*. Cambridge: Polity.
- Reckwitz A. (2022) *The Society of Singularities*. Moscow, Berlin: DirectMEDIA. (In Russ.)
- Reckwitz A., Rosa H. (2023) *Late Modernity in Crisis: Why We Need a Theory of Society*. Cambridge: Polity.
- Ritzer D. (2011) *The McDonaldization of Society 5*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Suvalko A. (2021) Farewell to Illusions: An Analysis of Late Modern Society by Andreas Reckwitz. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. № 1: 305–322. (In Russ.)
- Toffler A. (2004) *The Third Wave*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Tönnies F. (2002) *Community and Society*. Moscow: Fond Universitet, SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Weiss H. (2021) *We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us*. Moscow: HSE Publ. (In Russ.)